

Однако не надо думать, что влияние собственных воспоминаний Блока о начале его литературного пути сказывается лишь на числах и датировках. Это влияние гораздо более значительно. От него зависит *качественная* сторона жизнеописаний Блока, принципиальная разметка его творческого пути и общие критерии выделения в развитии поэта основных крупных периодов.

Вольно или невольно получается, будто творчество Блока оказывается «серьезным» именно тогда, когда в него впервые проникают декадентские мотивы. А до этого — всегда лишь чисто шахматовский «Gemüth», библиотечность первых литературных впечатлений, «отрешенность от общественной жизни»¹⁰ и от литературной злобы дня, камерность первых самостоятельных опытов. Да о самостоятельности едва ли и приходится говорить. Первый период поэтического творчества Блока и, выражаясь современно, даже как бы «нулевой цикл» его творческой биографии, — это не что иное, как полоса наивного эпигонства, мечтательности и сентиментальности в духе Жуковского, скромной «домашности» в духе подражаний Фету. От последующего («серьезного») периода его отделяет вступление в активные контакты с декаденством. А от еще более раннего, детски совсем еще незрелого, юношескую пору незнакомства с «новой поэзией» не отделяет, по сути дела, ничто.

Но верно ли все это? Не затягиваем ли мы «несерьезное» детство Блока (вспомним хотя бы Пушкина и Лермонтова в «доуниверситетском» возрасте)? И справедливо ли признавать совершенно естественным, что для воспитанного на классической традиции, на шахматовском воздухе юного русского поэта конца века первое же знакомство с декадансом должно было обернуться именно моментальной капитуляцией перед «новым»? А может, это знакомство было более ранним? Может быть, оно было не мгновенным и пассивным падением в «пучину», а наоборот — сопротивлением декаденству?

Даже в самом отвлеченном плане эти вопросы кажутся важными и полностью уместными. Применительно же к творческому развитию Блока и в сопоставлении с теми фактическими данными, которые скрыты в редких изданиях и архивах, они способны подтолкнуть к весьма любопытным выводам.

Обратимся к доуниверситетским источникам. Сохранился, например, интереснейший рукописный журнал Блока «Вестник». Просмотрим его — и в «номере» за октябрь 1895 г. увидим стихи, в которых трудно не почувствовать отзук самых ранних, самых первых шагов «декаденства» в русской литературе. Но отзук этот — иронический:

Горько рыдает поэт,
Сидя над лирой своею разбитой.
Лирой, венками когда-то увитой,
Всеми покинутый, всеми забытый.
Муза ушла от него.
Стих его рифмою дышит пустою,
Счастливо время поэта былое,
Страшно грядущее все роковое...
Время поэта прошло,
Плачет он горько над лирой разбитой,
Порой, когда-то венками увитой,
Всеми покинутый, всеми забытый...

(Декадентские стихи)

А. Блок

Итак, не 1898 — а 1895! Красноречивая приписка — «декадентские стихи» — не оставляет никаких сомнений: позднейшее автобиографическое

¹⁰ См., например, «Краткая литературная энциклопедия», т. I. М., 1962, стб. 642.